

ФЕНОМЕН ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ЭПОСЕ «МАСТОРАВА»

Е. А. Шаронова¹

¹*ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарева» (г. Саранск, Россия)*

Литературоведческое осмысление книжных форм эпоса финно-угорских народов («Калевала», «Калевипоэг», «Масторава», «Югорно», «Дорвыжь» и др.) приводит к выводам, которые могут быть использованы при исследовании процессов внутри-этнического движения такими науками как этнография, этнопсихология, этнофилософия. Предложенная концепция характера отражения этнического менталитета финно-угорских народов Поволжья и Приуралья в книжных формах эпоса XX–XXI вв. может стать основой для этнофутуристических исследований. Очевидно, что на рубеже II–III тыс. происходит рокировка первостепенных фигур мирового пространства, народы меняются позициями; в связи с этим активизируется их этническая память, побуждающая к переосмыслению прошлого, поискам в нем доказательств собственной избранности, особенности своей культуры, неслучайности символов, связанных с человеком. Эти обстоятельства побуждают расширять проблемное поле исследований за счет не только глубокой объективности изысканий, но и актуализации, переосмысления и поиска новых подходов к давно известному материалу. Жизнь народа – это некий закодированный текст, прочтению которого способствуют его талантливые представители. Выражая себя, они творят биографию этноса, которая, будучи вписанной в макро-биографию народов мира, становится одной из сюжетных линий всеобщей истории. Ученые, объясняя явление многообразия культуры, констатируют ее происхождение из дифференциации по этническому признаку. Известно, что этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими чертами и общим психологическим складом, менталитетом, сознанием своего единства и отличия от других. Психологический склад народа изначально фиксируется в фольклоре, а затем сублимируется в национальной литературе.

Ключевые слова: эпос, «Масторава», национальная культура, менталитет, эрзянский фольклор, персонаж, этнический ренессанс, финно-угорский контекст.

PHENOMENON OF WOMEN NATIONAL MENTALITY IN THE “MASTORAVA” EPOS

Ye. A. Sharonova^a

^a*Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia)*

Literary interpretation of the epic book forms of Finno-Ugric peoples (“Mastorava”, “Kalevala”, “Yugorno”, “Dorvyzhy” et al.) leads to the conclusions which can be used to study processes of intraethnic movement to of people to themselves by such sciences as ethnography, ethnopsychology, ethnophilosophy. The proposed concept of nature of ethnic consciousness reflection of the Finno-Ugric peoples of the Volga and Ural regions in book form epic XX–XXI centuries can be used as the basis for ethnofuturist research. It is evident that at the turn of Millenium occurs a reshuffle of primary figures in the world space, peoples change their positions, and it results in activation of their ethnic memory facilitating rethinking of the past, looking for evidence of its selectness, uniqueness of its culture, definiteness of its symbols related to a person. These circumstances encourage expanding the problem field of research is not only by the means of the profound objectivity of researches, but also by the means of actualization, reflection and search for new approaches to the already known materials. Life of the people is an encoded text, and its talented representatives can

contribute to interpretation of it. They are creating the biography of the people, expressing themselves, and it being inscribed in macro-biography of peoples of the world, becoming one of storylines of the world history. Scientists explain the phenomenon of multiculturalism ascertaining its origin from differentiation based on ethnicity. Ethnicity is a stable society of people, historically rooted in a certain area, with common features and overall mentality, aware of its unity and difference from others. Psychological makeup of a people is originally recorded in folklore, and then is sublimated in the national literature.

Keywords: epos, "Mastorava", national culture, mentality, Erzya folklore, character, ethnic renaissance, Finno-Ugric context.

Уникальность литературного процесса конца XX – начала XXI в., кроме всего прочего, выражается в том, что в финно-угорской художественной словесности России сложился блок текстов, определяемых как книжные формы эпоса. Их участие в формировании литературного контекста указанного периода превращает их в элемент, выводящий народ-творец за пределы своей культуры и способствующий развитию мировой литературы при очевидном приоритете национального начала. В произведении, созданном на основе фольклорного материала, ярче проявится национальная картина мира, этнический портрет народа, раскрываются его ментальные и психологические признаки.

Известно, что художественное произведение выражает себя и наполняется новым смыслом в процессе взаимодействия с другими произведениями в глобальном межтекстовом пространстве культуры. По Ю. М. Лотману, «семиотические аспекты культуры (например, история искусства) развиваются <...> по законам, напоминающим законы памяти, при которых прошедшее не уничтожается и не уходит в небытие, а, подвергаясь отбору и сложному кодированию, переходит на хранение, с тем чтобы при определенных условиях вновь заявить о себе» [6, с. 257].

В современных книжных эпосах фольклорный материал вкладывается в авторскую идею, служит исполнению авторской задачи, для чего может трансформироваться его жанровая природа (и трансформируется, поскольку подчиняется стремлению к гармонии существования в пределах другого жанрового субъекта), но, безусловно, должна

сохраниться смысловая аутентичность «материнского текста», без которой произведение не выдержит нагрузки титула «национальный эпос».

Все эти обстоятельства постоянно следует помнить в процессе анализа книжных эпосов и остерегаться тотально применять к ним алгоритмы исследования, принятые в фольклористике. Будучи тесно связанными с фольклором, вышедшими из фольклора и по-своему сохраняющими фольклор, книжные эпосы имеют также литературную составляющую. Именно поэтому следует говорить о фольклорно-авторской природе этого явления во избежание ошибочных выводов.

Важнейшей чертой устных и книжных эпосов является этноцентричность, поскольку народ в них воспевается самим народом. Перманентный процесс рождения финно-угорских эпосов объясняется не только наличием богатого фольклорного материала, но и особенностями менталитета финно-угров, подчиненного идее возврата к самим себе. Очевидно, что российский финно-угорский мир в настоящее время переживает этнический ренессанс. Это обстоятельство порождает активный научный интерес, реализующийся в трудах П. Домокоша, М. Дуганчи, Л. Леонарда, Т. Хаккарайнена, К. Салламаа, А. Шаронова, В. Латышевой, М. Калиева, Н. Морохина, Е. Шароновой, В. Ванюшева, А. Гагаева и др.

Большие эпические повествования создаются, когда у народа появляется потребность в художественном осмыслении своего исторического бытия, поэтому они представляют собой результат сотворчества народа и автора. В теории

книжного эпоса важной проблемой является определение статуса автора. Иногда используется понятие «составитель эпоса». Однако эпосы не составляются, а создаются поэтом-творцом. П. Домокош, обозревая историю финно-угорских эпосов, в качестве первого признака, способствующего рождению книжного варианта эпоса, называет появление человека, соединяющего в себе творческие начала [3]. Талантливому художнику дано через поэтический текст раскрыть картину мира своего народа – «совокупность устойчивых, связанных представлений и суждений об общественном бытии, жизни и деятельности, присущих членам конкретной этнической общности» [10].

Героический эпос – это поэтическая концепция национальной истории, в которой заключены социальная философия, идеология, этика, космогония народа, его представления о собственном бытии, связанные с реализацией им этнокультурной миссии [8–9]. В такой истории события и персонажи представляют собой олицетворенные идеи, ставшие актуальными под влиянием объективных общественных процессов. В этом отношении особенно привлекательной видится четвертая часть эпоса «Масторава» – «Век ворогов», состоящая из пяти сказаний: «Киялява», «Нарчатка», «Арса», «Кастуша», «Кинява и Вельмака». В ней говорится о наступлении поры тяжелых испытаний для народа из-за нашествия врагов.

Раскроем своеобразие литературного воплощения национальных культурных концептов на примере исследования сказания «Кастуша», образ героини которого типологически близок образам полонянок из эрзянских песен. Здесь в противоборство вступают народы, отношения между которыми определяются не семейно-бытовым канонами жизни, а историческими обстоятельствами. В центре лирического сюжета – отношение к плену и врагам. В этом ракурсе песни получают общественно-политическое звучание, а семейно-бытовая

драма – только фон, на котором разворачиваются исторические события. Историко-песенный эпос продолжает развитие эпико-героической тематики на достоверном жизненном материале; в нем действуют персонажи, свободные от зависимости от чудесных сил земли и неба, – обыкновенные люди, соотносимые с конкретной исторической эпохой.

Представим сюжет сказания. Кастуша впервые едет на ярмарку в г. Обран: «На Оке и Раве этот город, на горах на Дятловых стоит он. / Русские живут в нем и эрзяне» [7, с. 418]. Вечером гостей не выпускают за ворота, поскольку ногайцы осадили город. Вскоре закончилась вода, заболела мать Кастуши, и девушка, отчаявшись, ночью отправляется за водой. Будучи замеченной врагами, вступает с ними в бой и погибает. Ногайцы изумляются: «Если у них девушки такие / Сильные и смелые, то парни, / Знать, еще сильнее и смелее?» [7, с. 422] и бегут прочь от Обрана. Утром люди прощаются со спасительницей и благодарят ее родителей – Киняву и Вельмаку – за дочь. Рядом с родником роют могилу. По обычаю, на невинную девушку надевают подвенечное платье. Вдруг появляется старуха с сыном Виртяном и просит отдать Кастушу для «излечения». Омытая родниковой водой и напоенная птичьей кровью, девушка оживает и выходит замуж за Виртяна. Однажды его пленяют ногайцы, убивают, и он превращается в ветлу: «Как три дня минуло после смерти, / Выросла ветла, как в дивной сказке. / Как подсолнух крону она крутит, / За движеньем солнца ее вертит. / Если хочешь, отправляйся в поле. / Может, там ветлу найдешь ты эту» [7, с. 427]. Отыскав дерево, сама героиня становится березой.

Кастуша появляется на том этапе существования эрзянского общества, когда эпоха богов и героев уходит в прошлое, что влияет на формирование ее образа. Ей не покровительствуют боги, как Тюштяну, Нарчатке, Арсе; она рождается не для совершения подвига,

а для обычных человеческих радостей, не выходящих за пределы быта. Ее любят родители; ей хочется побывать на базаре и закупить красивых нарядов; посмотреть на людей разных национальностей. Новый мир, открывшийся ей в Обране, кажется прекрасным. Однако ярмарочные краски не ослепляют ее: она видит стены, возведенные вокруг города, и железные ворота и понимает, для чего они сделаны. Именно поэтому, когда на Обран нападают враги, она оказывается способной спасти город. Этим героическим действием обозначается связь с выдающимся эрзянским князем Пургасом. Впервые параллель Пургас – Кастуша возникает тогда, когда читатель узнает, что девушка родом из с. Пургаза. Очевидно, что введение данной детали не является случайностью.

В сказании художественно убедительно показывается психологическая обстановка в городе, сложившаяся в момент беды. Появляются люди, которые «не на шутку сильно испугались: суется, жалуются, плачут, на тот свет пожитки собирают». Однако на первый план выходят «парни молодые», которые безрезультатно пытаются прорвать осаду. В экстремальной ситуации трансформируется и образ Кастуши – она превращается в защитницу города: «Как огонь, грудь у меня пылает, / Если на страдающих взгляну я. / Кто спасти несчастных этих будет? / Кто детей бездольных пожалеет? / Пусть сейчас хоть пропаду, погибну – / Помогать им все равно я стану...» [7, с. 420] – говорит она. Для совершения подвига героине приходится преодолеть противодействие отца, который, любя ее, все же не верит в девичью способность превзойти мужчин, и предусмотрительность сторожей, не выпускающих ее за городские ворота.

Символично оживление Кастуши в березовом лесу: в эрзянской мифологии береза – Мировое дерево, связующее звено между Богом и людьми, землей и небом. Это значит, что она

обладает особой животворящей и исцеляющей силой, божественной чистотой. Аналогичные свойства имеют родниковая вода и птичья кровь, целебность которой обусловлена влиянием неба и космоса. Воскресение Кастуши возможно также потому, что она еще не получила права на смерть, поскольку не выполнила главной миссии – создать семью и дать потомство. Идея ее образа заключается в демонстрации многогранности проявлений женской сущности, основное в которой – замужество и материнство, и Кастуша блестяще реализует ее. Семейной жизни молодой женщины сопутствуют благополучие и счастье, но в какой-то момент все рушится и в ее дом врывается горе: «Кастуша воздела кверху руки, / Заломила тоненькие пальцы, / Искривила в скорбном плаче губы, / Пролила из глаз на землю слезы. / Закричала бы – язык отнялся, / Шаг ступила б – задубели ноги. / Посреди избы она свалилась, / На холодный пол без чувств упала» [7, с. 424–425]. (Здесь имеет смысл обратить внимание на стих, которым написана «Масторав»). Г. Е. Горланов отмечает: «Чрезвычайно сложно выразить повествовательно-эпическую, публицистическую и лирическую речь с необычными формулами одним и тем же хореическим стихом. Автору удалось справиться с поставленной задачей. <...> везде создается ритмическая четкость. Меняются только места расположения пиррихий, что создает дополнительную гибкость строчкам. <...> Свободный стих (его можно назвать народным), мастерски используемый А. М. Шароновым, чудесным образом создает иллюзию звучания древней пиитической речи...» [2, с. 527–528].) Автор «Масторавы» очень тонко и точно изображает крушение основ бытия жизни Кастуши, которым, однако, она пренебрегает, отправившись на поиски мужа, чтобы вернуть потерянное.

Создавая национальный женский тип в «Мастораве», А. М. Шаронов наполняет его разными психологическими

красками, одной из которых становится образ Кастуши. Примечательно ее поведение во вражеском стане, поражающее хана. При первой встрече он «слово скажет – как ножом ударит, / Разума и чувств лишит любого; / Бросит взгляд – змеей ужалит в сердце, / Душу в пятки убежать заставит» [7, с. 425]. Ногаец представлен в традиционных для фольклора черных красках, иллюстрирующих типичные народные представления о враге. Однако в процессе знакомства с пленницей он меняется, начинает сочувствовать ее горю, убедившись в ее прекрасных физических, нравственных и интеллектуальных качествах. Хана покоряет красота девушки, ее ум, бесстрашие, преданность мужу, духовная мощь. Так рождается новый тип героя – «справедливый» враг, проявления личности которого психологически более богаты и разнообразны.

Обозначенная выше тема березы является еще раз, когда Кастуша находит ветлу-Виртяна и перевоплощается. Сохранение в эпосе анимистических представлений обусловлено и влиянием первобытной мифологии, и метафористической природой художественного сознания, стремящегося очеловечить все сущее, наделить способностью переходить из одной формы бытия в другую. Космичность сознания, видение происходящего в осмысляемом им пространстве, обеспечивает незримую связь между субъектами событий. Так, до родителей Кастуши доходит весть о случившемся с ней несчастье, после чего они отправляются на ее поиски: «Вышла наша дочка стройным станом, / Поступью своей, походкой легкой, / Взглядом черных глаз с мерцаньем звездным. / Крылья ласточки – у дочки брови, / Как заря, лицо ее пылает, / Как луна, сияет ее тело / <...> Улица вся светом воссияет, / Если выйдет Кастуша из дома» [7, с. 431].

Фоном, на котором происходят поиски родителями дочери, является национальная катастрофа: бесконечно длятся войны, рекой льется кровь, пруды прудят из трупов, из костей мостят

мосты. Таким образом в эпосе трагедия одной семьи отражается в трагедии целого народа. Наконец, посреди поля, на высоком холме отец и мать видят иву, а рядом белую березу-Кастушу: «Прислонились старые к березе, // Обняли ее и зарыдали. // Шелестит березонька листвою, // Вместе с ивой и летящим ветром // Песнь поет о жизни бесконечной...» [7, с. 446]

В сказании о Киняве и Вельмаке с инкорпорированными в него песнями о татаро-ногайском полоне дается образ страдающей эрзянской земли, в котором и заключается его главная функция. В отличие от предыдущих сюжетов, данный не играет самостоятельной роли в эпосе «Масторава», а является продолжением истории Кастуши.

Кинява и Вельмака – единственные персонажи в «Мастораве», не совершающие героических поступков и не выходящие за пределы обыкновенной человеческой жизни. Они изображены как замечательные родители выдающейся дочери (исполнены любви и заботы о ней, идут на любые жертвы, чтобы доставить ей радость), и в этом отношении вписываются в общий контекст эпоса. Когда с Кастушей случается беда, они отправляются в опасный путь, находят ее и разделяют участь дочери. Таким образом, эти герои проявляют благороднейшие человеческие качества, свидетельствующие о высоком уровне их социального, нравственного и эстетического развития, и становятся незаменимым элементом персонажной системы эпоса – связывающим поколения и передающим ее. В связи с этим представляется уместным умозаключение, данное авторами монографии «Философия мордовской сказки»: «Мифология и эпос “Масторава”, эпос “Калевала” для угро-финских этносов, еще более сказка, устная народная мудрость в форме афоризмов, содержащих философию народа и его здравый смысл, народный литературный язык и вербальный и коллективный интеллект этносов <...> направ-

ляют эволюцию и организуют культурное генетическое наследование» [1, с. 71].

Актуальность книжных форм эпоса в финно-угорской художественной словесности XX – начала XXI вв. объясняется причиной, констатированной еще Д. С. Лихачевым: в России «нацией стала литература» [Цит. по: 4]. В случае российских финно-угров литература стала своеобразной историей этой нации, выражением ее ментальности, философии и культуры – в том смысле, что появилась раньше, чем науки о нации – история, философия, культурология, лингвистика и др., и долгое время аккумулировала в себе их функции.

Д. С. Лихачев постоянно говорил об огромной роли литературы в жизни народа, человека, страны, мира и считал, что счастлив народ, имеющий великую литературу на родном языке. Эрзянский народ тоже счастливый, поскольку история литературы на эрзянском языке знает творчество таких талантливых писателей как Я. Кулдукраев, С. Люлякина, К. Абрамов, И. Калинин, Н. Ишуткин, А. Шаронов и др.

В настоящее время национальные литературы перестают говорить на родных языках. Наблюдается тотальное стремление к существованию исключительно на русском языке, что объясняется объективными причинами: в первую очередь – переходом на всех уровнях жизни людей на русский язык. Данное обстоятельство приводит к ограничению издания литературных произведений на национальных языках как коммерчески невыгодных, несмотря на то что алгоритм выхода из подобных ситуаций создан еще в XVIII в., когда тираж литературного произведения рассматривался не как коммерческий, а как престижный элемент. По Ю. М. Лотману, писатель и издатель ориентировались прежде всего на культурную задачу [5]. Начало XXI в., к сожалению, демонстрирует иные подходы к национальным ценностям. В стремлении извлечь из всего несущественный доход, мы рискуем растерять бриллианты национальной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гагаев, А. А. Философия мордовской сказки : Мокшень ёфксонтъ философиясь : Эрзянь ёвксонтъ философиясь / А. А. Гагаев, П. А. Гагаев, Н. В. Кудасева. – Самара : СамГУПС, 2014. – 109 с.
2. Горланов, Г. Е. «Масторава» – уникальное явление в культуре России / Г. Е. Горланов // Шаронов, А. М. Масторава : сёрмадозь эрзянь ды мокшонь мифтнень, эпической моротнень ды ёвтамотнень коряс. – Tallinn : Noimulahvaste Programm, Valdek Palli nimeline Fond, 2014. – С. 527–530.
3. Домокош, П. Об эпосе и фольклоре финно-угорских народов / П. Домокош // Вестник Удмуртского университета. – 2005. – № 12. – С. 11.
4. Запесоцкий, А. Дмитрий Лихачев : в России литература стала нацией / А. Запесоцкий // Российская газета. – 2007. – 23 мая. – № 107.
5. Лотман, Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2012. – С. 134.
6. Лотман, Ю. М. Память культуры / Ю. М. Лотман // Чему учатся люди : статьи и заметки. – Москва : Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, 2010. – С. 256–270.
7. Масторава / На основе эрзян. и мокшан. мифов эпич. песен и сказаний написал А. М. Шаронов. – Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2003. – 488 с.
8. Федосеева, Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса : возникновение и эволюция / Е. А. Федосеева. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 212 с.
9. Шаронов, А. М. Мордовский героический эпос : сюжеты и герои / А. М. Шаронов. – Саранск : Мордов. книж. изд-во, 2001. – 207 с.

10. Этнопсихологический словарь [Электронный ресурс]. – URL http://ethnopsychology.academic.ru/394/этническая_картина_мира (дата обращения 27.03.2015).

Поступила 01.04.2015 г.

Об авторе:

Шаронова Елена Александровна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва» (Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68), доктор филологических наук, sharon.ov@mail.ru

Для цитирования: Шаронова, Е. А. Феномен женского национального менталитета в эпосе «Масторава» / Е. А. Шаронова // Вестник Мордовского университета. – 2015. – Т. 25, № 3. – С. 81–87. DOI: 10.15507/VMU.025.201503.081

REFERENCES

1. Gagayev A. A., Gagayev P. A., Kudayeva N. V. *Filosofiya mordovskoy skazki: Mokshen efksont filosofiyas: Erzyan evksont filosofiyas* [Philosophy of Mordvinian tale: Moksha éfksont philosophers Erzyan évksont philosophy]. Samara: SamGUPS Publ., 2014. 109 p.
2. Gorlanov G. Ye. “Mastorava” – unikalnoye yavleniye v kulture Rossii // *Mastorava: sermadoz erzyan dy mokshon miftnen, epicheskoy morotnen dy evtamotnen koryas* [“Mastorava” – the unique phenomenon in the culture of Russia]. Tallinn: Hoimulahvaste Programm, Valdek Palli nimeline Fond Publ., 2014. P. 527–530.
3. Domokosh P. Ob epose i folklore finno-ugorskikh narodov [On epos and folklore of Finno-Ugric Peoples]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Udmurt University Bulletin]. 2005, no. 12, P. 11.
4. Zapesotskiy A. Dmitriy Likhachev: v Rossii literatura stala natsiyei [Dmitry Likhachev: Russian literature has become a nation]. *Rossiyskaya gazeta* [The Russian Gazette]. 2007, May 23, no. 107.
5. Lotman, Yu. M. *Orusskoy literature* [About Russian literature]. Saint Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2012, P. 134.
6. Lotman, Yu. M. Pamyat kultury [Memory of culture]. *Chemu uchatsya lyudi. Stati i zametki* [What do people learn. Articles and notes]. Moscow, Tsentr knigi VGBIL im. M. I. Rudomino Publ., 2010, P. 256–270.
7. Sharonov A. M. *Mastorava / Na osnove erzyan. i mokshan. mifov epich. pesen i skazaniy* [Mastorava / Writen on the basis of Erzyan and Mokshan myths, epos and legends]. Saransk, Mordovian Press Publ., 2003. 488 p.
8. Fedoseyeva Ye. A. *Knizhnyye formy mordovskogo geroicheskogo eposa : vzniknoveniye i evolyutsiya* [Book forms of Mordvinian heroic epos: origin and evolution]. Saransk, Mordovia University Press Publ., 2007, 212 p.
9. Sharonov A. M. *Mordovskiy geroicheskiy epos: syuzhety i geroi* [Mordvinian heroic epos: stories and heroes]. Saransk: Mordovia Press Publ., 2001, 207 p.
10. *Etnopsikhologicheskii slovar* [Ethnopsychological dictionar]. URL: http://ethnopsychology.academic.ru/394/этническая_картина_мира.

Submitted 01.04.2015

About the author:

Sharonova Yelena Aleksandrovna, professor of chair of Russian and Foreign Literature of Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya str., Saransk, Russia), Dr. Sci. (Philology), sharon.ov@mail.ru.

For citation: Ye. A. Sharonova Fenomen natsionalnogo mentaliteta v epose “Mastorava” [Phenomenon of women national mentality in the “Mastorava” epos]. *Vestnik Mordovskogo universiteta* [Mordovia University Bulletin]. 2015, vol. 25, no. 3, P. 81–87. DOI: 10.15507/VMU.025.201503.081